

Николай Успенский

Егорка-пастух

Николай Успенский

Егорка-пастух

«Public Domain»

1871

Успенский Н. В.

Егорка-пастух / Н. В. Успенский — «Public Domain», 1871

«Был осенний вечер. Невдалеке от села Лебедкина, на опушке леса, сидел красивый парень, лет двадцати двух, в худом стареньком армяке, в низенькой шляпе, украшенной лентами. Он вил кнут, напевая песню и посматривая на табун барских лошадей, пасшихся в глубине леса; подле него лежал мешочек с хлебом, горсть пеньки с прядями конских волос и новый, недоконченный лапоть. Солнце уже закатилось. Изредка моросил дождь...»

Содержание

I. Встреча в лесу	5
II. Отец и сын	8
III. Попытка	10
IV. Сваты	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Николай Васильевич Успенский

Егорка-пастух

І. Встреча в лесу

Был осенний вечер. Невдалеке от села Лебедкина, на опушке леса, сидел красивый парень, лет двадцати двух, в худом стареньком армяке, в низенькой шляпе, украшенной лентами. Он вил кнут, напевая песню и посматривая на табун барских лошадей, пасшихся в глубине леса; подле него лежал мешочек с хлебом, горсть пеньки с прядями конских волос и новый, недоконченный лапоть.

Солнце уже закатилось. Изредка моросил дождь; на верхушки деревьев с резким щебетом взлетали дрозды; на пасеке за оврагом, тянувшимся посреди леса, громко лаяла собака. Парень окончил свою работу, снял кафтан и, положив кнут на плечо, начал обходить табун. Вдруг из-за оврага показалась крестьянская девушка в красном платке, в набойчатом, холстинном сарафане, босиком. Зорко оглянувшись кругом, парень подошел к девушке.

– Ты кого ищешь? – спросил он.

– Я так... за грибами...

– Теперь темно... не найдешь грибов...

– Ну, я так похожу...

– Ты чья? из какого дома?

– Из Губарева... Воробьевская...

– А! это что на молотилке подает, – говорил парень, идя рядом с девушкой, – что ж, он твой отец?

– Отец.

– Я и тебя словно видал... Что ж, вы хлеб-то весь свозили?

– Не знаю... там возят...

– Ты не бойсь уморилась, ходивши... пойдем – посидим...

– И-и! что ты!

– Да что ж? Ничего!

– Тебе пора лошадей гнать.

– Ничего! если бы подле села, – там управитель, али сам барин увидел бы; а тут один солдат на пасеке...

Лошади, почуяв время домой, подняли головы и начали ржать. Пастух громко хлопнул кнутом, и табун, фыркая, начал опять щипать траву.

– Садись вот сюда – на кафтан. – Парень и девушка сели. – А я вот тут один стерегу... дали было малого, да он только верхом разъезжает на лошадях, совсем мне не нужен...

– Тебе бы вдвоем веселей: бывает, какая забежит в хлеб, тебе не справиться...

– Экая ты! одному лучше... ты не знаешь... Вот мы с тобой теперь вдвоем... А кабы малый-то был, нам бы не пришлось посидеть...

– Да что ж я сижу-то? – улыбаясь, проговорила девушка, – разве от этого какая...

– Да нет... все-таки... А что б ты ко мне почаще ходила? – вдруг спросил парень.

– Зачем же я буду ходить?

– Да так... может, спознались бы, – а может, я и женился бы на тебе...

– Нет! тебе жениться не придется на мне... я уж пропита!

– Когда пропита? кому пропита?

– Еще прошлый Микитий – Краюхиным...

– Знаю Краюхиных... уж не за Ваньку ли?

– За него...

– Вот оказия-то!..

– Да я бы вовсе не хотела... Знамо дело, все батюшка с матушкой... Они там – поставили свечку к образу, помолились, выпили штоф... а наше дело девичье, вестимо: только смотри на них...

– Ты бы сказала, что не пойду! Ведь жених твоего ногтя не стоит...

– Эхма! Отец с матерью боем убьют! скажут, исхарчились: тоже десятую пили за меня под телегой, на ярмарке. Сват-то скажет, все вывороти... заплати, а нам где ж взять? Мы уж весь двор сожгли... Лебеда была, соломки-то нет, топить нечем... К воротам маленько двор похож на двор, а сзади нет ничего...

– Слышь! тебя как зовут?

– Прасковья. А тебя как?

– Был Егор. Вот что! выходи за меня замуж! Я навек буду у барина служить. Нам с тобой ни дома не надо, ничего не надо!.. Будем лошадей стеречь... А на жалованье я тебе куплю панёву, и платок, и полушубок... мы зимой будем жить в господской избе... нанимают же кухарку, ты будешь варить щи нам... А летом мы с тобой вот тут... ты будешь невод вязать, а я лапти плести... Ты знаешь, я сам из бедного дома... ты думаешь, как бы богаты были, разве пошел бы лошадей стеречь?..

– Ведь пропита-то я!.. батюшка с матушкой ну-ко будут бить... они у Краюхиных взяли две четверти ржи... отдать нечем, а как меня отдадут, сват-то, может, простит...

– За рожь я заплачу! – подхватил парень, – я по три цалковых получаю, значит два месяца только послужить... Это ничего!.. – Парень помолчал, – ну, что же, будешь отказываться от Краюхиных?..

– С чево ж... – задумчиво произнесла девушка, – у тебя отец с матерью есть?

– Матери нету... один отец... он камни в горе копает... один живет... мазанка у нас небольшая есть... почесть вся завалилась.

– А ну-ко я останусь в девках?

– Экая ты! разве я с тобой смеюсь?.. ты скажи прямо, пойдешь за меня аль нет? люб я тебе аль нет?

– Неужли ж?.. не с Ванькой сменить...

– Тебе за ним пропадать надо!.. где ж тебе сжитья с ним?.. он словно блажной... а ты как маков цвет...

– За него и Ганька не пошла Андрюшина... Еремины тоже отказались... девки ни к себе уперлись...

– Что ж? упрись и ты...

– Беднота-то одолела! Ты не поверишь, мы всю зиму-лебеду ели... и той не было: покупали да за заработки брали у барина... – Девушка вздохнула. – Вишь, у тебя дома-то нет... наши не отдадут!.. Чем же ты будешь играть свадьбу-то?.. ведь надо попу три цалковых заплатить... а там вина купить...

– Экая!.. Поп наш добрый!.. вон его две лошади ходят в табуне. Я у него взял полтора цалковых, я ему отдам назад...

– Что ж только-то?

– Да что нам расход? Нам вся сила перевенчаться... а это пить-то... пускай кто хочет, тот и пьет...

В это время лошади захрапели и столпились в кучу: на опушке леса показались два волка. Парень схватил кафтан и направился к табуну.

– Постой, постой! – закричала девушка, – я с тобой...

– Не робей!.. они вон пошли... кабы тут овцы, а с лошадью где же ему справиться? они завсегда в эту пору выходят... мне уже не впервой...

– Ах, грехи тяжкие! – вымолвила девушка.

– Я верхом не сяду... иди подле меня. Я до гумна тебя провожу, а там ты пойдешь себе...

Парень замотал веревку на шею лошади, которая была привязана к дереву, и повел ее в поводу. Табун устремился по направлению к селу через овраг.

– Ну, так слышь, – говорил пастух при прощании, – я ноне же пойду к своему отцу... ты будь на своем слове верна... а уж я свое дело сделаю...

Парень сел на лошадь, гикнул и скрылся за барским гумном.

II. Отец и сын

Поздно вечером пастух стучался в окно мазанки, стоявшей на краю деревни Чернолесок, которая разделялась от села Лебедкина небольшой речкой. Ночь была светлая; единственное окно мазанки ярко блестело против месяца.

– Отвори, батя!

В избе закричал старик.

– Ты что?

– Да так пришел... рубаху сменить.

– Зажечь-то нечего, – отпирая дверь, говорил старик.

– На что? авось месяц...

– Ты поужинал?

– Неужели ж не евши приду... ты сам-то небось дня три не ел...

– И то, парень, – сказал старик, садясь около печки и почесываясь, – намесь цалковый-то ты принес, два пуда купил, увсе вышло... Кажись, один живу...

– Один! – подхватил сын, закуривая трубку в переднем углу, – ведь у тебя хлёбова нет, и кашки-то не бывало... ешь один хлеб, – вот оно и скоро выходит...

– И чудно, братец ты мой, – проговорил старик, – как это скоро выходит! Кабы скотина была, живот бы не болел; а то нет ни поросенка, нет ни ягненка...

– Ты что ноне работал? – спросил сын.

– Работа одна: всё камни копаю; ноне чуть глиной не придавило... Анадясь вот случай-то, я тебе расскажу: пришел я к яме, а в ней сидят два волчонка... хотел я их пыймать, в город отнесть, да подумал: волчица житья не даст... она запах чует... так и не трогал: гитай их голова!.. Вот солюшки нет, горе мне... беда, да и только...

– Тут не про соль дело! я к тебе пришел маленько погутарить...

– Об чем? говори! аль тебе плохо жить?..

– Оно жить-то мне покуля ничего! Да вот ребят-то всё женят... а ты меня не женишь...

– Эх, Егорушка, – воскликнул старик, – кабы ты знал, как моя душенька болит об тебе... ты думаешь, я сам не смекаю... я у горе-то копаю, копаю, а все об тебе думаю... Люди запивают... Вон намесь Терехины усплений пили... а я пошел на ярмарку лычек купить, иду мимо-то – они гуляют... Я и вздумал об тебе... Вот кабы мочь была, я б не хуже людей разгулялся...

– Не тужи, батя... ты смотри.

– Что нам с тобой смотреть? Нам кабы господь послал по смерть хлеб-соль, – и слава богу...

– Эко, батя... хлеб-соль – хлебом-солью, а дело само собою. Вот нас с тобой двое; ты меня не бил никогда, жили мы с тобой ладно... Надо правду сказать: полюбилась мне девка...

– Где же это?

– Воробьевская... знаешь, у Губаревых...

– Как не знать! Эх, братец ты мой: голь на голь – что ж выйдет?

– Оно голь-то голь, батя! а ведь мы с тобой с голоду не умираем... авось господь! И ты живешь, и я живу... Вон ноне всю зиму лебеду ели, а живы остались... Будем оба с женою работать, – наймемся куда... а ты посмотри у работников: каши невпроворот... еда хорошая... а что ж нам еще надо? Мне девку жалко... Ее пропили, за Ваньку косорылова... а девка-то какая!

– Так-то так, Егорушка, Краюхины люди богатые, а нам-то с чем свадьбу сыграть? ведь у нас куда ни кинь – везде клин, нет ничего!.. вон путо нашел, другой год им подпоясываюсь... а кафтанишко – в добрые люди и показаться нельзя... да уж и стар стал... хорошо, как глиной пришибет? а ну-ко нет?.. я и сяду на твои руки?.. а ты беден, хозяйка еще бедней...

– Эх, батя! дай пожить мне-то! все у нас будет: я буду служить старательно, попрошу управителя, он прибавит жалованья и тебя куда-нибудь возьмет – лес, что ль, караулить... авось как-нибудь проживем... жена будет помогать...

– Оно, вестимо, так, – ободряясь, продолжал старик, – что ж? лес караулить – это бы ничто!.. А ведь я ломом-то долблю, долблю – рук не подымешь; придешь домой, ляжешь на печку, поясница так и ломит... Как же это нам быть-то?

– Да ты уж не хлопочи; я оборудую дело... только слухайся меня: ступай ты завтра к Губаревым свататься, наперва приходи ко мне в лес, я ранехочко у приказчика выпрошу пару цалковых... Ты купи вика и ступай, запивай за меня... потому, я тебе сказываю, девке идти не хочется за косорылова... мы с ней устрелись в лесу... она за грибами ходила... Девка, одно слово, смиренная... супротив этой девки весь свет выходи – не найдешь... Что ж я буду так жить? Ты помрешь, кто меня женит? И запить некому будет...

– Оно ничего... Что ж, когда такое дело?... вот маленько у меня не докопано до сажени... десятский приезжал, кричал, кричал...

– Авось докопаешь! Ступай, да и раз! там уж запой был... отдадут за Ваньку – девка пропала... а она мне говорила, что со всем согласьем... дело насчет, значит, родителей...

– Вот что, малый: куда ж мы ее приведем-то?

– Толкуй там, куда приведем... а у них-то что? одни ворота... двора-то нету... весь сожгли...

– Стало быть, вы промеж себя будете жить?

– А то что же! Я не во двор ее веду, а будем жить по людям, и ладно...

– Это так... – доставая тавлинку, заметил старик, – ну что ж... пожалуй...

– Вот что, батя: однова дыхнуть, жени меня на Параше... дюже будет хорошо!.. Ну, я пойду... завтра поране вставай...

– Эх, Егорушка, – говорил старик, провожая сына, – я б тебя на ком хошь женил, мочи-то не хватает...

III. Попытка

Рано утром Ефим, так звали отца пастуха, зашел к сыну в лес, взял деньги и отправился в деревню Воробьевку, до которой считалось от Лебедкина не более двух верст. На пути в кабаке, стоявшем на большой дороге, он купил водки, белого хлеба и середку ветчины.

Ефим вошел в дом невесты, сложив провизию в сенцах.

– Что, хозяин дома? – спросил он, помолившись образам.

– Тебе что надо? – спросила хозяйка.

– Да я так пришел: мне повидаться надо.

– Тебе насчет чего же надо-то?

– Да так! поговорить насчет одного дела.

– Ты откудова?

– Чернолесский. Вскоре вошел хозяин.

– Доброго здоровья! – сказал он, – тебе что надо?

– Тут... насчет своего дела...

– Об чем же?

– Да насчет, примеру, девки...

– Какой девки?

– Силич, твоей.

– Моя пропита!

– Мало что есть! вот мы поглядим, как дело пойдет... Ефим отправился в сени, принес оттуда провизию

и, становя ее на стол, проговорил:

– Тут вот что!..

– Да это мы видали виду-то, – возразил хозяин, с пренебрежением глядя на закуску, – у нас не такие бывали: и яблок принесут и арбузов... что твоей душе угодно... Только нам теперь не до этого... я уж готовлюсь к свадьбе: вон и ржицы на солод приготовил; бражку затеваем...

– Эх, брат! – воскликнул Ефим, развязывая провизию, – люб-нелюб – повидался...

– Да что, брат ты мой, повидался... у нас уж два года дружелюбие идё с Краюхиными...

– Опоздал, батюшка, опоздал! – заговорила хозяйка, становя чугуны в печку, – мы уж никак больше году с Краюхиными знаем... и дары уж отдали.

– Мало что отдали! – сказал Ефим, – хлеб-соль во сне хорошо, а наяву еще лучше...

– Ну так что же, брат ты мой? – сказал хозяин, садясь за стол, – в чем же у нас будет дело? ты чей, откулева?

– Да я – чернолесский... Ефим... А у меня малый есть, Егорка, знаешь, в Лебедкине у барина лошадей стережет...

– Знаю, знаю... Так что ж, значит, куда же это вы мою Параньку хотите взять? ведь я дом-то ваш знаю: мой хорош, а ваш еще ловчей!..

– Э! братец ты мой любезный! – держа в руках штоф, заговорил Ефим, – и через золото слезы льются, я слыхал... Я ведь не в дом беру, а просто за Егорку: человек дорог!.. Парень тебе известный: вокруг вас другой год живет...

– Живет-то живет... ну-ко, садись за стол: там видно будет... что с тобой делать. Подноси... ну, пей сам.

– Дурья голова! – завопила хозяйка на мужа, – что у тебя горло-то как бёрда! что хошь пройдет... И рад, родимец те растяни, что вина принесли... а забыл, что девка давно пропита...

– Э! гость на гость, хозяину радость... во всем воля божия!.. вот Еремины опили, может быть, десятерых... а нам по бедности только другой пришелся...

– Я не к чему что, – держа перед хозяином стакан, говорил Ефим, – не знаю, как имя, отчество...

– Был Кузьма, – сказал хозяин и обратился к жене, – ты бы посмотрела на улице да хлудом дверь-то заперла... неравно сваты придут... Краюхин ноне Параньке говорил... То-то, стало быть, баба дура!

Хозяйка заперла дверь и возвратилась в избу.

– Садись, сват! – продолжал хозяин, обращаясь к Ефиму, – мы попросту... мы народ бедный... Аксинья! порежь ветчинки-то...

– Я сам, малый, бедный, не рассказывать тебе, – объяснил Ефим, присаживаясь на коник, – у вашего же барина камни копаю... Только вот что я тебе скажу... Нет! давай выпьем по другой... Просим покорно!

– Отрежь ребрышко, – сказал хозяин жене.

– Вся для вас! – указывая на ветчину, объявил Ефим, – дело, видишь, какое: лежу я на печке, Егорка приходит мой и пересказал мне, что твоя девка больно полюбила ему...

В это время вошла Параша с коромыслом, увешанным рубахами.

– Здорово живете! – сказала она гостю, проходя к печке.

– Здравствуй, касатка! – проговорил Ефим, глядя на девушку, – стало быть, твоя дочка? – спросил он хозяйина.

– Моя...

– Ну, я и говорю, – продолжал Ефим, – куда ж нам, говорю?... не сыграть нам свадьбы... а он вон как: «У меня управляющий нипочем! Взял пару цалковых, ступай, говорит, запивай! Вот тебе вино, вот тебе и середка...» Удалой парень зародился...

– Знамо! что говорить? – сказал хозяин, – по душе на что лучше! Только как же, сват? где же мы свадьбу-то играть будем?

– Матушка! – шептала за перегородкой девушка своей матери, – это пастухов отец?

– Он...

– Я видала парня-то... он малый хороший... я за него с радостью пойду!

– погоди ты, девка, дай послушать, что говорят.

– Да, вишь, он хитрый какой, – продолжал Ефим, – беру, говорит, не в дом, а себе...

– Значит, по людям? – спросил хозяин, – а мы-то где ж при старости будем?

Ефим замялся, взял в руки штоф и проговорил:

– Ведь это и так сказать, это дело его! лишь было б согласие!.. ведь не нам с тобой жить...

Ну-ко, сватенек, давай еще по одной...

В это время на улице раздался стук в дверь... «Отпирай, сват!» – кричали несколько голосов...

– Я тебе говорил! – воскликнул хозяин, сердито смотря на жену, – это что? Беги посмотри!

– Ах, провал тебя возьми; они, и то они! – объявила хозяйка, входя из сеней в избу...

– Ну слухай, сват, – сказал хозяин Ефиму, – ты сядь поди к печке... кабысь насчет колес пришел... Аксинья! прибирай! поставь посуду-то на полку... возьми середку... поправь скатерть...

– Это кто же? – боязливо спросил Ефим, отправляясь к печке...

– Экой ты, братец ты мой! Сваты...

– Что ты врешь?

– А ты как думаешь об Параньке? За ней бяда что народу!

– Батюшка! – объявила девушка, подходя к столу, – ты меня лучше не отдавай за Ваньку... вот тебе Христос, не пойду за него! За Егора – пойду!..

– Ну, ну! знать, не учена давно?

– Ты забыла, – подхватила мать, – что у отца с матерью на гумне-то?... кладушка одна...

Параша ушла за перегородку и села на кровать. Между тем Ефим, сидя у печки, рассуждал сам с собою:

«Вот оно, значит, молодо-зелено... Послушал Егорку – и наткнулся... Ну, да что ж?.. я ни в чем не повинен... плохого ничего не сделал...»

IV. Сваты

Толпа мужиков и несколько баб, держа в руках жбаны с вином, ковриги хлеба, пироги, завернутую в скатерть баранину, стояли на крыльце. Хозяин без шапки встретил гостей, умильно говоря:

– Добро пожаловать, добро пожаловать...

– Мы маленько припоздали, сват, – заговорил сам Краюхин, одетый в дубленый полушубок, – за вином долго проездили: в город посылали... я хотел тебе удружить.

– Ну, благодарим на этом, – сказал хозяин.

Мужики вошли в избу, помолившись богу, снова поздоровались и начали раскладывать свои припасы на столе.

– Это чей же у вас такой? – спросил Краюхин, кивая на Ефима.

– Да чернолесский... пришел было передки поторговать... Человек тоже бедный...

– Что ж? – заметил Краюхин, – не замай... Ну что ж, сватики, – обратился Краюхин к хозяевам, – стало быть, с богом! пора помолиться в последний раз...

– Что ж? – плаксиво сказал хозяин, – давай бог час! Аксинья! вздуй огоньку, зажги свечку...

– Слава богу! – продолжал Краюхин, – попили винца вдоволь... дело сладили...

Хозяйка приставила к образу свечку, и все начали молиться в землю, приговаривая: «Христос господь, божия матушка!.. Сам Миколай-угодник и все родители...»

– Просим покорно! сват! что ж не сядишься? мы пришли тебя угощать... И ты, сватьяшка... двигайся, двигайся дальше...

– Мне было некогда, – проговорила хозяйка, – ну, я сяду поближе: придется подать...

– Чего тут подать? у нас все тут есть. Дядя Евлам-пий! развязывай! Крой пироги-то...

Краюхин, стоя перед столом, расчистил свои усы, потер пальцами по животу, встряхнул волосами и взял в руки штоф.

– Просим покорно!..

– Пей, сват, сам, – сказал хозяин, – что в руках, то в устах...

– Ну, стало быть, будьте здоровы...

Остаток капель Краюхин брызнул в потолок, постучал опрокинутым стаканом себе по голове и объявил: «Вот так, чтобы наши молодые попрыгивали...»

– Пошли господи!

– Его святая воля!

– Помоги бог, что задумали, загадали...

– Авось невеста идет не куда-нибудь, а в богатый дом...

– Мы ее не обидим! – сказал Краюхин, – у нас и так баб мало... работой неволить не будем... была б только почетница...

– Своим добром хвалиться грех, – заметил хозяин, доставая кусок баранины, – а мы за ней плохого не замечали...

– Даст бог, заживем знатно...

– И жених – малый смирный...

– Я тебе, сват, по истинной правде скажу, – объявил Краюхин, – вот ему восемнадцать лет, и от него вот чего не видал... просто красная девка...

– Маленько лицом не вышел, – заметила хозяйка, – ну да стерпится – слюбится... Народ болтает, что он какой-то блажной...

– Это, я тебе скажу, природа такая! – воскликнула мать жениха, – на ем, должно, была младенческая...

– Да и насчет работы ничего... – подхватил Краю хин, – вот за водой все он ездит... это уж работа за ним... Ну, маленько недосмыслит чего, знамо, парень молодой... мы сами молодые были... Вон нонче умные-то понадели красные рубахи, пояса с махрами, лосные картузы – словно господа. А нашему брату за господами не угоняться...

– Да что говорить! – возразил один старик, – эти умные избаловались на отделку: пустились в воровство да в пьянство... Иной сошник али курицу стащит с перемета – все в кабак... Прежде их секли в конторе, а теперь сечь-то некому... Надясь мне кум Игнат рассказывал: чей-то лебедкинский малый пропил в кабаке кошку – заместо петуха...

– Что ты врешь? – раздался голоса.

– Истинная правда: к примеру, посадил ее в мешок и пустил под печку – к цаловальнику. Вот они умные-то!..

– Ах, домовой те расшиби! – удивлялись мужики, покатываясь со смеху...

– Сват! пора по другой! – сказал Краюхин, – видно, не затем принесена, чтобы ей стоять...

– С чего ж? давай...

Между тем хозяйка достала из-за пазухи красный платок и, подавая его Краюхину, сказала: «Вот, сваток, женишку...»

– Благодарим покорно! – сказал Краюхин и спрятал подарок в карман.

– А что, дядя Иван, – беседовали мужики, – извоз маленько поедался...

– Знамо дело, народ теперь отработался, ездока стало много. Я вот другой год смотрю и колес не стал шиновать. У господ земли много, намесь мы вдвоем у снарала цалковых двадцать сгладили у три дни... А то поедешь в извоз, где колесо, где лошадь оставишь, с одним кнутиком и придешь...

– Ноне, что говорить! народ поправится... господь хлебушка зародил...

– Эхма! – сказал хозяин, – у людей вон – скирды, у меня одна кладушка в семь копен... вот и живи целый год... у свата две четверти занял, а чем отдать?

– Слухай, сват! – заговорил Краюхин, – когда такое дело, вот тебе при свидетелях говорю: рожь твоя! я не гонюсь! у нас покелева слава богу! молодка заработает...

– Ну, благодарим...

– Мы друг об друге, а бог обо всех!.. да что ж мы пируем? – воскликнул Краюхин, – а где ж девка-то?

Все примолкли, ожидая появления невесты.

– Ну, что, сват! – проговорил хозяин, – не трогай!.. не ее дело...

Из-за перегородки вышла Параша.

– Как же не мое дело? – заговорила она, став среди избы и сдвинув брови на отца, – с Ванькой-то мне жить, – а не вам... он распустил губы-то, вы, что ль, их будете цаловать?..

– Стой, что ты, что ты!.. – вставая из-за стола, заговорила мать.

– Паранька! – закричал отец, – с чего это ты вздумала? в кои века... ах, господи Христос...

– Как вы хотите, – продолжала девушка, – а я не пойду... Хоть опейтесь до смерти! а мне не быть за Ванькой...

– Вот таэ и раз! – возопила хозяйка, – какой же родимец те научил?..

– Супротив родителей итить, – подхватил хозяин, – мы пили, пили... стало быть, года два харчились... а ты все дело хочешь попортить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.